Нельзя не отметить талантливости авторов обеих повестей (особенно «Повести о Горе-Злочастии»). Один на житийно-легендарной основе создал подлинно реалистическое произведение, в котором история героя «сплетается с ходом военных действий (как в «Капитанской дочке» Пушкина)».[14] Колорит эпохи, местный колорит, бытовой элемент подчиняют себе и затушевывают легендарную основу настолько, что «Повесть о Савве Грудцыне» «входит в ряд ярчайших памятников русского бытового реализма XVII века».[15] Другой, используя идейно-художественные средства фольклора, создал замечательное произведение огромного обобщающего значения, в котором историю «непокорливого» молодца выводит из истории всего человеческого рода от самого его начала. Это мог сделать только человек глубокого ума и выдающегося поэтического дарования. Свою «Повесть о Горе-Злочастии» он не только щедро насытил богатствами устной поэзии, но и не побоялся внести в нее народно-песенный стих, отойдя от старой книжной традиции. Еще одно крупное художественное преимущество этой повести — логичность и стройность композиции, что было показано уже В. Ф. Ржигой.[16] Композиция «Повести о Савве Грудцыне» намного сложнее, причем основной сюжет осложняется рядом привходящих сюжетных линий. Так, в повести играет существенную роль любовный эпизод,[17] нужный для развития сюжета и психологической обрисовки героя, а с ним тесно связан важный мотив продажи души дьяволу. Но вот эпизод посещения Саввой «царства сатаны» совершенно выпадает из общего плана и только замедляет развитие действия. Вообще автор не справился с обилием привлеченного материала, перегрузил им свое произведение, и композиция повести получилась громоздкой и рыхлой.

Конечно, нельзя пройти мимо несомненной связи «Повести о Горе-Злочастии» со сборником стихов «покаянных, слезных и умильных», особенно с группой так называемых «прибыльных» стихов, относящихся к 30-м годам XVII в. Эти стихи открывают перед нами еще один уголок литературной обстановки, которая окружала автора повести и помогала ему в разработке избранной темы. Небольшая статья В. И. Малышева «Стихотворная параллель к Повести о Горе-Злочастии» убедительно показывает, что автору повести были хорошо известны покаянные стихи и именно знакомство с ними и «ввело в стиль автора ... те книжные черты, которые заметно выделяются на общем фоне устно-поэтического стиля».[18] Опубликованный тут (по рукописи середины XVII в.) покаянный стих о пьянстве напоминает широко известную притчу о блудном сыне, которую не мог не знать и автор повести: образ «отрока библии, безумного расточителя», конечно, не раз вставал в его творческом сознании. Кроме опубликованного

---

[14] П. Н. Сакулин. Русская литература, ч. II, стр. 35.

[15] Б. Михайловский, Б. Пуришев. Очерки истории древнерусской монументальной живописи. Л., 1941, стр. 90.

[16] В. Ф. Ржига. Повесть о Горе и Злочастии и песни о Горе. «Slavia», roč. X, seš 1, Praha, 1931.

[17] В «Повести о Горе» любовный элемент совершенно отсутствует, ее герой «споткнулся» о другой «грех»: «вкушал плода виноградного». Слабый намек на возможность любовной интриги, может быть, кроется в совете родителей: «не прельщайся, чадо, на добрых, красных жен». В зачаточном состоянии любовный эпизод встречается в некоторых народных песнях (см. эпизод с «женщиной кабацкой» в издании: А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895, №№ 438, 439, 440); в песне, записанной в 1888 г. в Псковском уезде, молодец ходил к молодой вдове, «сам себя очень выхваливал» (Труды Псковского археологического общества за 1907—1908 гг., Псков, 1909, стр. 136—138).

[18] ТОДРЛ, т. V, 1947, стр. 146.